

АКТУАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС Б. ОБАМЫ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ В ПОИСКАХ МИРА?

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ДЖОНОМ УАЙТЛИ*

Предлагаемый вниманию читателей материал — интервью с профессором Калифорнийского университета Джоном Уайтли, идейным вдохновителем одного из самых крупных в истории американского телевидения проектов по привлечению внимания гражданского общества к проблемам мира “Quest for Peace”. Проект, в рамках которого Дж. Уайтли интервьюировал наиболее видных представителей политической и интеллектуальной элиты США, выходил на экраны в 1983–1989 гг. и был своего рода антитезой “второй холодной войны”. В 2010 г. стартует продолжение данного проекта — “Quest for Peace in the XXI Century”, центральной темой для обсуждения в котором станут перспективы достижения мира на новом этапе развития международных отношений и деятельность администрации Б. Обамы в этом направлении. В интервью редакции журнала “Вестник Московского университета” Дж. Уайтли озвучивает свое видение внешнеполитической концепции Б. Обамы и дает оценку степени ее соответствия императивам “поиска мира в XXI веке”. В частности, затрагиваются такие вопросы, как обоснованность решения Нобелевского комитета о присуждении Б. Обаме премии мира, смысл и перспективы “перезагрузки” американо-российских взаимоотношений, вызовы, стоящие перед США в Афганистане, и соответствие внешней политики Америки образу “града на холме”.

Ключевые слова: поиск мира, прагматический идеализм, реалистическое вовлечение, “перезагрузка” американо-российских отношений, ядерное разоружение, терроризм, гуманитарная интервенция, “град на холме”.

The Editorial Board publishes an interview with professor John M. Whiteley (University of California, Irvine), the mastermind of “Quest for Peace” — one of the biggest projects intended to gain the attention of civil society to the cause of peace in the history of American television. The project in which J. Whiteley interviewed the most prominent American intellectuals was on

* Подготовка к печати, аннотации и ключевые слова — *Бартенев Владимир Игоревич*, к.и.н., ст. преп. факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова (e-mail: vl_bartenev@mail.ru).

air in 1983–1989 and served as an antithesis to the “second edition of the Cold War”. In 2010 J. Whiteley is launching a sequel, “Quest for Peace in the XXI Century”, which will be focused on the prospects for peace in the new international environment and the peace initiatives of B. Obama administration. In his interview J. Whiteley offers his view of B. Obama doctrine and emphasizes its relevance to the imperatives of the “Quest for Peace in the XXI Century”. The issues discussed below include: the validity of awarding B. Obama with a Nobel Peace Prize, the essence and the prospects for “resetting” the U.S.–Russian relations, the main U.S. challenges in Afghanistan and conformity of the U.S. foreign policy to the “city on the hill” image.

Key words: Quest for Peace, pragmatic idealism, realistic engagement, resetting U.S.–Russian relations, nuclear disarmament, terrorism, humanitarian intervention, “city on the hill”.

Уходящий 2009 год был отмечен довольно ощутимым потеплением международного климата, и, пожалуй, ключевым фактором, запустившим процесс “таяния льдов” в мировой политике, стал приход к власти в США Б. Обамы. Стремясь восстановить утраченный Соединенными Штатами в годы правления Дж. Буша-младшего кредит доверия, новая администрация сделала ставку на вовлечение — ведение многостороннего диалога с мировым сообществом по самому широкому спектру наиболее острых проблем — и снижение градуса международной напряженности.

Одним из наиболее ярких примеров реализации новых подходов в сфере внешней политики стал запуск процесса “перезагрузки” российско-американских взаимоотношений, включая подготовку к подписанию двустороннего договора о сокращении ядерных арсеналов. Прогресс, достигнутый в этом направлении, наряду с другими мирными инициативами стал важнейшим основанием для присуждения Б. Обаме Нобелевской премии мира. Однако решение Нобелевского комитета вызвало крайне неоднозначную реакцию как в самих США, так и в мировом сообществе. Почему? С вопросом об обоснованности вручения премии мира Б. Обаме и в более широком смысле — о соответствии его внешнеполитической концепции принципам миротворчества мы решили обратиться к профессору Калифорнийского университета Джону Уайтли.

Джон М. Уайтли — профессор социальной экологии Калифорнийского университета (Ирвайн). По образованию психолог (Гарвардский университет) и политолог (Стэнфордский университет). Автор многочисленных публикаций по проблемам практической психологии, психологической безопасности и деятельности человека в ядерный век, окружающей среды и глобального устойчивого развития.

На протяжении всей карьеры ученого и университетского преподавателя вопросы достижения и сохранения мира волновали Дж. Уайтли более всего. В 1983 г. при его самом активном участии в Ирвайнском университете был создан Научно-исследовательский центр по изучению конфликтов глобального мира, задачей которого стала реализация междисциплинарного подхода к исследованию наиболее актуальных проблем мировой политики. Проект, возглавляемый Дж. Уайтли в настоящее время, — “В безопасный XXI век” (“Toward a Sustainable XXI Century”) — нацелен на изучение и выработку практических рекомендаций по решению проблем, создающих угрозу дальнейшему устойчивому развитию человечества: последствий глобального потепления; ущерба, наносимого природе антропогенными факторами; болезней, от которых продолжают умирать сотни тысяч людей в неблагополучных странах Азии и Африки. Прекрасно понимая, что в современном мире подобные риски не имеют государственных границ и уменьшить их возможно исключительно при условии взаимопонимания и объединения усилий общественности всего мира, профессор Дж. Уайтли стремится привлечь к сотрудничеству ученых и политиков из самых разных стран: Италии, Китая, Мексики, Нидерландов, Норвегии, России и т.д.

Однако самым любимым и, по мнению Дж. Уайтли, наиболее значимым в его профессиональной карьере стал начатый в 1983 г. телевизионный проект “Поиск мира” (“Quest for Peace”). Его главной идеей было вовлечь в дискуссию о судьбах мира в эпоху “холодной войны” как можно более широкую аудиторию. На протяжении шести лет 400 каналов американского общественного телевидения в 47 штатах каждую неделю транслировали интервью с интеллектуалами из различных областей знаний — науки, политики, искусства, военного дела и т.д. В числе приглашенных к размышлению о том, почему мир в конце XX столетия остается таким уязвимым и почему человечеству, пережившему опыт двух мировых войн, все еще так сложно обезопасить себя и будущие поколения от угрозы новой, возможно, еще более страшной трагедии, были известные люди и авторитетные специалисты из разных стран, но главным образом из Советского Союза и США. Своими мыслями о том, как можно было бы сделать мир более безопасным, с многомиллионной американской аудиторией делились генерал Б. Суриков, академик Г. Арбатов, профессор А. Кокошин, профессор С. Капица, глава Института космических исследований РАН Р. Сагдеев. С американской стороны гостями Дж. Уайтли были К. Клиффорд, Дж.К. Гэлбрейт, Р. Макнамара, Д. Рамсфилд и многие другие известные политики, общественные деятели, руководители американских разведывательных служб, философы и психологи. Ответы и рассуждения этих людей были настолько глубокими и искренними, а информация, которую они доносили до зрителей, настолько от-

личалась от американской официальной риторики 1980-х гг., что, по признанию Дж. Уайтли, неожиданно для него самого “Поиск мира” постепенно превратился в некую антитезу рейгановской “второй холодной войне”.

С момента последнего интервью прошло 20 лет. “Холодная война” стала историей. И тем не менее “Поиск мира” в следующем году возобновляется. Почему идея возвращения к проекту появилась именно в наши дни? С этого вопроса мы и решили начать интервью.

В.Б. Последний выпуск телепроекта “Quest for Peace”, идейным вдохновителем которого Вы были, состоялся ровно 20 лет назад — в 1989 году, незадолго до окончания “холодной войны”. Что побудило Вас начать подготовку к его возобновлению после столь долгого перерыва?

Проф. Уайтли: Если сравнивать сегодняшнюю ситуацию с положением дел на международной арене в 1980-е годы с точки зрения перспектив для обеспечения мира, то мне она представляется куда более неблагоприятной. Правительства не справляются с задачей по снижению уровня насилия на планете. По данным опросов общественного мнения, 78% европейцев и 76% американцев сегодня чувствуют себя менее защищенными, чем в период до терактов 11 сентября. Глобальные институты демонстрируют хроническую неспособность удовлетворить потребности 1 миллиарда людей, живущих за чертой бедности. Опасность попадания оружия массового уничтожения в руки террористов постоянно увеличивается. Нельзя исключать и катастрофический сценарий “применения третьей ядерной бомбы в приступе гнева”. Правительства стран, ставших первыми членами “ядерного клуба”, были консервативны в вопросе об использовании ядерного оружия, чего совсем нельзя сказать о новых пролиферантах, таких, как Пакистан и Северная Корея. Пакистан являет собой яркий пример “несостоявшегося государства”, Северная Корея находится на грани голода. В этой связи обеспокоенность большинства людей на планете вполне объяснима. Позиция же тех 7% европейцев, которые не смогли однозначно ответить на вопрос о том, чувствуют ли они себя более защищенными, вызывает лишь удивление. Должно быть, эти 7% живут на другой планете.

Таким образом, вопрос о поиске средств обеспечения мира — центральный для проекта “Quest for Peace” — сегодня стоит еще более остро, чем четверть века назад, и поэтому я уверен: на мой призыв принять участие в новой программе откликнутся многие. Какие у меня есть основания для подобной уверенности? Дело в том, что идея запуска проекта “Поиск мира” возникла у меня в

начале 1980-х годов, в самый разгар “второй холодной войны”, когда любая мысль о создании возможностей для мирного сосуществования могла показаться идеалистичной попыткой представить “образ желаемого будущего”. Однако тогда среди американских философов, ученых (включая участников проекта по созданию атомной бомбы), государственных деятелей (в том числе министров обороны) не нашлось практически ни одного человека, который ответил бы отказом на мою просьбу дать интервью. То же самое можно сказать и о представителях Советского Союза, озвучивших в моей программе ряд идей, актуальных до сих пор.

Это было время, когда и в США, и в СССР представителями интеллектуальной элиты предпринимались серьезные попытки пересмотра логики гонки вооружений. Так, к примеру, когда я впервые встретился с Андреем Кокошиным, в то время заместителем директора Института США и Канады Академии Наук СССР, он занимался построением компьютерной модели обеспечения ядерной стабильности. Подобная идея полностью противоречила традиционной логике “чем больше, тем лучше”. Также мне особенно запомнилось яркое интервью генерал-майора авиации Бориса Сурикова. В годы Второй мировой войны он был пилотом истребителя и участвовал в воздушных боях над Ленинградом. Позже Суриков работал на ответственных постах в программе по производству баллистических ракет и в конце своей карьеры пришел к выводам, многие из которых значительно опережали свое время. В частности, он делал акцент на экологических последствиях гонки вооружений, говоря, что “сверхдержавы” в первую очередь наносили ущерб не друг другу, а себе самим.

Мне запомнилось интервью с директором Института космических исследований Академии Наук СССР Рояльдом Сагдеевым. Когда я задал ему вопрос: “Кто лидирует в гонке вооружений?”, он озвучил очень интересные цифры. Оказалось, что Америка опережала СССР в реализации 14 из 20 наиболее значимых технологических проектов; Советский Союз, в свою очередь, лидировал в 2; в остальных 4 две “сверхдержавы” шли вровень. Это интересно тем, что, хотя Америка всегда жаловалась на отставание от СССР во всех технологических проектах, советские материалы говорили о том, что ситуация, в общем-то, была обратной.

Наконец, я часто вспоминаю высказанную в 1989 году и в высшей степени справедливую мысль директора Института США и Канады Академии наук СССР Георгия Арбатова о том, что СССР лишил Америку врага, и это, на мой взгляд, может многое объяснить в действиях США на международной арене после окончания “холодной войны”.

Чрезвычайно яркие мысли озвучивались и моими соотечественниками. Мне особенно запомнились слова, сказанные эконо-

мистом Джоном Кеннетом Гэлбрейтом: “Даже самый искусный идеолог не сможет отличить пепел коммунизма от пепла капитализма”. Схожие идеи высказывал и Джон Холдрен ныне советник президента Барака Обамы по науке. В своем интервью он охарактеризовал суть гонки вооружений четырьмя простыми словосочетаниями: “военно-промышленный комплекс”, “синдром вызов—ответ”, “ошибочность решающего шага”, “подготовка к наиболее неблагоприятному сценарию поведения противника”.

Разве может кто-нибудь сейчас сказать, что такое явление, как гонка вооружений, исчезло вместе с окончанием “холодной войны”? В мире существует большое количество стран, которым едва удастся прокормить свое население, но которые при этом упорно продолжают инвестировать огромные средства в разработку и закупку вооружений. Разве современная система образования лучше готовит молодое поколение к тому, чтобы служить делу мира? Ответ вполне однозначен: “Нет!” Разве религия сегодня является той мощной объединяющей силой, которая способна обеспечить всеобщее согласие на Земле? Вряд ли, если учесть, что исторически она никогда такой силой не была и сегодня достаточно часто уступает миротворческую роль государству.

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно констатировать, что палитра угроз в современных условиях существенно шире, чем была двадцать лет назад, несмотря на изменившийся международный контекст. Мы живем в мире, где угроза применения “третьей атомной бомбы в приступе гнева” вполне реальна, где состояние трех самых богатых людей в мире превышает ВВП 40 беднейших стран, где здоровью планеты с каждым годом наносится все больший ущерб, где дисбалансы в глобальной экономике настолько велики, что от кризиса планета содрогается, словно от удара метеорита. И самое печальное, что международное сообщество пока не нашло эффективных способов борьбы с данными угрозами.

Я очень надеюсь, что в новых интервью в рамках проекта “Поиски мира в XXI веке” будут озвучены идеи, которые помогут вновь обрести уверенность в достижимости мира и снизить риск новых войн. Изменение международного фона после прихода к власти в США Барака Обамы дает в этом отношении повод для оптимизма.

В.Б. Победа Барака Обамы действительно была встречена мировым сообществом с большим энтузиазмом. Вокруг нового президента возник ореол мессии, спасителя, способного изменить мир к лучшему. Этот ореол теоретически должен был стать еще ярче после присуждения Обаме Нобелевской премии мира. Однако данное решение вызвало крайне неоднозначную реакцию в мировом сообществе, да и сам лауреат

демонстрировал одновременно смущение и удивление. Какова Ваша оценка решения Нобелевского комитета?

Проф. Уайтли: Моя позиция в данном вопросе в целом близка той, которая была озвучена Нобелевским комитетом в ответ на неоднозначную реакцию мирового сообщества. Если учесть, что по завещанию Альфреда Нобеля премия должна присуждаться человеку, который в прошедшем году наиболее активно содействовал продвижению дела мира, то выбор кандидатуры Барака Обамы, на мой взгляд, выглядит достаточно естественным.

Конечно, заявка на включение его в список номинантов была подана несколько преждевременно — до 1 февраля 2009 года, но данный факт лишь подчеркивает, насколько большие надежды возлагались на Обаму как миротворца. Ведь именно он с самого начала был одним из наиболее последовательных противников самого одиозного решения предшествующей администрации — вторжения в Ирак.

Важно и другое. Независимо от того, какими соображениями руководствовались авторы заявки, окончательное решение Нобелевский комитет принимал осенью 2009 года. Обама теоретически мог и не оправдать выданного ему кредита доверия, однако за первые полгода им было предпринято достаточно большое количество инициатив, полностью соответствовавших духу премии мира. В их числе я бы в первую очередь назвал подготовку подписания американо-российских договоров о сокращении ядерных потенциалов, вовлечение Америки в процессы урегулирования ближневосточного конфликта и создания посткиотского режима борьбы с глобальным потеплением.

В.Б. Насколько большую роль в данном случае сыграл фактор “усталости от Джорджа Буша-младшего”?

Мне кажется, влияние этого фактора ни в коем случае не стоит преувеличивать. Шаги, предпринимаемые Бараком Обамой, выглядят как прорывные не только на фоне усталости от воинственных действий неоконсерваторов и вызванного ими увеличения конфликтности в международных отношениях. В решении многих вопросов Обама пошел дальше всех своих предшественников, хотя, пожалуй, ни с одним другим президентом в новейшей истории США его не разделяет такая большая дистанция, как с предыдущим хозяином Белого дома.

В этой связи я хотел бы сделать особый акцент на различиях в представлениях двух президентов о международной реальности и миссии Америки.

Лоре Буш не так давно задали вопрос: “Что, по Вашему мнению, было главной идеей, которой руководствовался Ваш муж в своей

политике?” Бывшая первая леди ответила предельно четко: “Стремление к продвижению свободы в мире”. Ее ответ невольно заставил меня вспомнить один любопытный эпизод из истории “холодной войны”. Однажды Джон Макнотон, занимавший пост заместителя министра обороны США во время войны во Вьетнаме, сказал в частной беседе участнику первого выпуска программы “Quest for Peace” Роберту Макнамаре (министр обороны в администрации президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, 1961–1967 гг.): “США ведут войну во Вьетнаме на 70% — чтобы не потерять лицо, на 20% — чтобы не отдать Южный Вьетнам в руки китайцев, и на 10% — чтобы обеспечить свободу южновьетнамцам”. Допустим, Лора Буш была права, утверждая, что ее муж в своих действиях руководствовался в первую очередь “стремлением к продвижению свободы”. Проблема состоит в том, что мировое сообщество посчитало иначе. Оно посчитало, что это стремление руководило действиями администрации лишь на 10%. Остальные же 90% мировая общественность распределила между другими факторами, при этом отказавшись их осознать или оправдать и выступив с крайне жесткой критикой Белого дома. Как следствие, вместо того, чтобы сохранить лицо, Америка полностью растратила кредит доверия, полученный ею после терактов 11 сентября.

Какими бы благородными стремлениями ни руководствовались неоконсерваторы, их внешнеполитическим наследием останется опора на применение силы в одностороннем порядке, превентивная война и доктрина смены режимов, реализованная в Ираке. На пресс-конференции, состоявшейся за несколько недель до его ухода из Белого дома, Джордж Буш высказал сожаление о том, что поторопился построить свою политику в отношении Ирака на непроверенных данных о наличии в этой стране оружия массового уничтожения, которого, как выяснилось позже, там не оказалось. Причина для войны была ложной, не говоря уже о том, что сколько-нибудь осмысленных планов послевоенного урегулирования в Ираке вообще не существовало. Я хочу напомнить в этой связи один эпизод, описанный известным американским журналистом Бобом Вудвордом в книге “Состояние отрицания” (State of Denial). В скором времени после вторжения в Ирак генерала Джея Гарнера, в свое время руководившего гуманитарной операцией, а затем назначенного первым представителем Временной администрации США в Ираке, вызвали на заседание Совета национальной безопасности. На том заседании генерал заявил, что из девяти возложенных на него задач невозможно решить четыре. Все они имели отношение к обеспечению внутренней безопасности в стране после вторжения. Тогда никто из присутствовавших не задал ему ни единого вопроса. Вместо этого, когда

Гарнер вышел из комнаты, президент Буш бросил ему вслед знаменитое: “Kick ass, Jay”.

Столь низкий уровень критических оценок, в том числе возможных последствий военного вторжения, разительно отличает политику Джорджа Буша-младшего от политики, к примеру, Джона Кеннеди. В вопросе о применении силы Кеннеди проявлял определенный консерватизм. Он не стал вводить войска во Вьетнам, решив ограничиться увеличением количества военных советников. Кроме того, он санкционировал проведение Макнамарой реструктуризации военного комплекса в целях создания режима более консервативного, более жизнеспособного и более эффективного оборонительного варианта стратегии ядерного сдерживания, в котором основная ставка была сделана на использование подводных лодок, самолетов-бомбардировщиков и ракет. Джордж Буш-младший, в свою очередь, сделал ставку на ведение превентивной войны и односторонние силовые действия, что заставило мировое сообщество разувериться в способности США вести себя благоразумно и их готовности к сотрудничеству с международными институтами.

Что касается Барака Обамы, то он сейчас всячески старается восстановить утраченный США кредит доверия, делая ставку не на силу, а на конструктивный диалог. При этом он делает особый акцент на оправданности применения силы в гуманитарных кризисах и в более широком смысле — в целях спасения жизней невинных граждан. Последнее уже было реализовано на практике в урегулировании конфликта, связанного с захватом капитана гражданского танкера. Однако важнее всего признание Обамой того факта, что завершение войн имеет гораздо меньшее значение, чем устранение причин их возникновения.

И, пожалуй, именно это, будь я членом Нобелевского комитета, стало бы для меня одним из главных аргументов в пользу вручения премии мира Бараку Обаме. Формулирование подобной установки и реальные попытки ее воплощения в жизнь заслуживали признания, “поощрения”. Главный смысл этого “поощрения” состоял в призыве к дальнейшим действиям, и реакция американского президента на присуждение ему премии мира свидетельствует о том, что этот призыв был им услышан. В то же время я бы не стал воспринимать эту премию как некий карт-бланш, выданный Обаме и, образно говоря, способный развязать ему руки. Напротив, это, скорее, будет накладывать определенные ограничения на его политику. Действующий президент — лауреат премии мира — должен соответствовать своему высокому званию, иначе имиджевые риски в случае отхода от выбранного курса окажутся для него запредельно высокими.

В.Б. Но возникает вопрос, насколько определенным, сложившимся является этот курс. Если продолжать сравнение между двумя президентствами, бросается в глаза тот факт, что основные идеологические установки неоконсерваторов были сформулированы предельно четко, причем задолго до терактов 11 сентября, в материалах “Проекта за новый американский век” (“Project for a new American Century”). Впоследствии они приобрели завершенный характер в виде “доктрины Буша”, которая может быть выражена несколькими понятными, хотя и дискредитировавшими себя терминами — “превентивная война”, “смена режимов”. Если говорить об администрации Барака Обамы, то до появления таких программных документов, как Национальная стратегия безопасности, остается неясным, какая идея объединяет членов команды президента, изначально не производившей впечатления монолита. С Вашей точки зрения, можно ли уже говорить о складывании “доктрины Обамы” и если да, как бы Вы ее определили в нескольких словах?

Проф. Уайтли. С моей точки зрения, “доктрина Обамы” может быть определена как “реалистичное вовлечение”. Действующий президент США взял за основу своей внешнеполитической стратегии идеи “прагматического идеализма” и представил их в виде готовности Америки принимать всерьез существующие угрозы миру и стабильности и с помощью вовлечения стремиться к улучшению условий для торжества дела мира. Понятие “мир” играет центральную роль в его концепции и лишь усиливает мою веру в необходимость возобновления программы “Quest for Peace” на современном этапе.

Что касается “пестрого” состава команды Барака Обамы, то меньшая степень ее идеологизированности является не недостатком, а преимуществом для реализации задач “реалистичного вовлечения”. Обама набрал команду не идеологов, а квалифицированных прагматиков, способных сосредоточиться на реализации его идей на практике.

В.Б. Идеи, близких принципам миротворчества?

Проф. Уайтли. Совершенно верно. Об этой внутренней близости говорят многие провозглашенные им принципы.

Во-первых, Обама уважительно воспринимает хорошие идеи, озвучиваемые другими странами.

Во-вторых, он признает, что другие страны имеют свои собственные институты, свою историю и культуру, которые следует принимать в расчет при выстраивании с ними взаимоотношений.

В-третьих, для него очевидно наличие идеологических стереотипов, которые каждой из сторон в диалоге необходимо преодолеть в целях налаживания взаимопонимания.

В-четвертых, он демонстрирует искреннюю приверженность принципам вовлечения, что особенно ярко проявляется на ближневосточном направлении, где вопрос мирного урегулирования фактически игнорировался на протяжении семи лет, предшествовавших его приходу к власти.

Наконец, в-пятых, он признает оправданность гуманитарной интервенции на том основании, что отсутствие вмешательства при возникновении угрозы жизням людей с моральной точки зрения оправдать невозможно.

В.Б. “Перезагрузка” американско-российских взаимоотношений полностью вписывается в обозначенный Вами комплекс идей. Какие факторы, с Вашей точки зрения, сыграли ключевую роль в запуске этого процесса?

Проф. Уайтли. Я с большим удовольствием отвечу на этот вопрос, потому что для меня “перезагрузка” российско-американских отношений и подготовка подписания договора о сокращении ядерных потенциалов в декабре 2009 года имеет совершенно особое значение. Как автор проекта “Quest for Peace” я воспринимаю эти инициативы как важнейший шаг на пути реализации тех идей, которые были положены в основу проекта, озвучивались многими его участниками, но, к сожалению, так и не были осуществлены в 1980-е годы.

Чтобы не быть голословным, приведу конкретные примеры. Так, лауреат Нобелевской премии по физике Ганс Бете, возглавлявший отдел теоретической физики в Лос-Аламосе, где была произведена на свет первая атомная бомба, в интервью проекту “Quest for Peace” вполне уверенно говорил о том, что для решения задач ядерного сдерживания хватило бы и 200 ядерных боезарядов. В том же интервью он наглядно объяснил, почему противоракетная оборона никогда не будет эффективным средством защиты от ядерного удара. В свою очередь, Роберт Макнамара, которого я в общей сложности интервьюировал трижды, высказывал мысль о том, что прогресс в сфере международной безопасности может быть достигнут только при учете интересов и тревог советской стороны.

Администрация Барака Обамы в диалоге с Россией продемонстрировала, что подобные соображения не только ей не чужды, но, наоборот, являются исходным пунктом для проведения реалистической политики, основанной на принципах “вовлечения”. Запуская “перезагрузку”, как мне представляется, Обама исходил из следующих соображений.

Во-первых, он признал, что глобальные проблемы, и в частности вопросы ядерной безопасности, не могут быть решены без вовлечения России. Во-вторых, он сделал ставку на устранение ложных стерео-

типов, мешающих плодотворному американско-российскому сотрудничеству в решении глобальных проблем. Конечно, эти стереотипы возникли в эпоху “холодной войны”, однако их укрепление в сознании современной российской элиты — результат политики США последних лет, которая фактически заставила Россию снова увидеть в Америке врага. Как следствие — отказа от логики “холодной войны” и гонки вооружений не произошло. По-прежнему в обеих странах огромную роль играет военно-промышленный комплекс, по-прежнему раздаются не имеющие под собой реальных оснований призывы к развитию средств ПРО, строительству еще более современных ядерных подводных лодок. При этом обе страны не производят достаточного количества оружия нового поколения, которое может эффективно использоваться в контрповстанческих операциях и борьбе с общими для обеих стран противниками.

В-третьих, Обама, возвращаясь к идее Макнамары, признал оправданность тревог российского руководства в связи с размещением системы ПРО и роль уступок в этом направлении при построении конструктивного диалога с Россией.

Прогресс, достигнутый Бараком Обамой и Дмитрием Медведевым на переговорах в Москве, — лишь начало долгого пути. Главная проблема, решение которой еще предстоит найти обоим президентам, состоит в поиске способов обеспечения безопасности в условиях значительного сокращения ядерных арсеналов.

В.Б. Некоторые российские политологи высказывали точку зрения, что, запуская “перезагрузку” и, в частности, идя на сокращение ядерных потенциалов, США преследовали и продолжают преследовать вполне прагматические интересы. Речь шла о том, чтобы добиться изменения российской позиции по наиболее волнующей Белый дом “иранской проблеме”, получить от России разрешение на использование ее воздушного пространства для транзита военных грузов в Афганистан и т.д. Считаете ли Вы, что в этих оценках есть рациональное зерно?

Проф. Уайтли. Мне данная точка зрения кажется необоснованной. Сокращение ядерных потенциалов само по себе является важнейшим приоритетом для администрации Барака Обамы. Речь идет не о том, чтобы добиться от России уступок, а о конструктивном вовлечении тех стран, с которыми у США в годы президентства Джорджа Буша-младшего не получалось диалога, в решение наиболее острых мировых проблем. Администрация Обамы приглашает Россию, равно как и Китай и другие развивающиеся страны в рамках формата “большой двадцатки”, включиться в процесс решения этих проблем на правах ключевых участников. И афганская проблема, и иранская являются общемировыми, а не американскими.

Начнем с “несостоявшихся” государств — Афганистана и Пакистана. Они представляют собой огромные, практически неуправляемые территории. Неудивительно в этой связи, что в последние 10 лет доля Афганистана в мировом производстве опиума выросла с 10 до 93%. 20% афганского опиума поступает в страны ЕС, 15% — в Россию и Китай. Таким образом, это представляет собой угрозу безопасности и здоровью будущих поколений не только в этих странах. Речь идет о растрате человеческих и интеллектуальных ресурсов, необходимых для активного участия в общественной жизни. Наркоторговля — крупнейший источник доходов для мафии и одна из причин сохранения коррупции в рядах чиновников, чья святая обязанность состоит в том, чтобы защищать своих соотечественников от наркотиков. Америка, Китай, Россия и ЕС могут извлечь огромную пользу из сотрудничества в решении “афганской проблемы” и уменьшения мирового наркотрафика, который в финансовом отношении приносит столь большие дивиденды движению “Талибан” и “Аль-Каиде”.

Иранская проблема представляет еще больший вызов для человечества, поскольку одна из главных задач, стоящих сегодня перед мировым сообществом, — уменьшение ядерной угрозы. Можно верить в то, что Иран заинтересован лишь в осуществлении мирной ядерной программы. А можно исходить главным образом из того, что отсутствие прозрачности в этом вопросе ставит проблему глобальной безопасности, имеющую особенное значение для непосредственных соседей Ирана — Израиля и России.

Другими словами, для нахождения точек соприкосновения между Америкой и Россией и в более широком смысле — между всеми основными игроками на международной арене в решении афгано-пакистанской и иранской проблем существуют вполне объективные предпосылки. То же самое можно сказать и по поводу северокорейской проблемы. США, Россия, Китай, Южная Корея, Япония могут добиться большего прогресса, проводя совместную политику в отношении Северной Кореи.

В.Б. В числе наиболее важных достижений Барака Обамы Вы назвали инициативу проведения международных переговоров по подписанию “посткиотского” протокола. С Вашей точки зрения, ее также можно считать примером “реалистического вовлечения”?

Проф. Уайтли. Конечно. Внешнеполитическая концепция Барака Обамы основывается на признании того факта, что проблемы мира не имеют национальных границ и одно государство, пусть и самое мощное, не способно справиться с их решением в одиночку. К сфере экологической безопасности это имеет самое прямое отношение, и мне будет очень легко это продемонстрировать.

Пожалуй, каждый слышал о том, насколько тяжелой является экологическая ситуация в Китае, однако мало кто знает, что в некоторые дни 25% загрязнений в воздухе Лос-Анджелеса представляют собой результаты выбросов вредных веществ в атмосферу китайскими предприятиями. Беспрецедентный экономический рост Китая сопровождается настолько же беспрецедентным по своим масштабам загрязнением окружающей среды. Игнорируя проблемы экологической безопасности, Китай отравляет не только себя, но и другие страны мирового сообщества, не говоря уже о том ущербе, который наносит подобная политика борьбе с изменением климата на планете. США не могут заставить китайское руководство пересмотреть свою политику и прекратить запускать по одной новой угольной электростанции в день, поскольку сами демонстрируют крайнюю степень безответственности в данном вопросе. США, где проживает лишь 5% населения земного шара, ответственны за 25% выбросов парниковых газов в атмосферу Земли и так же, как и Китай, не являются участниками Киотского протокола. Если лидер развитого мира уклоняется от полноценного вовлечения в решение этой проблемы, то какой смысл Китаю и другим развивающимся странам, испытывающим наибольшую потребность в источниках энергии, добровольно себя ограничивать? Обама осознал, что Америка должна взять на себя инициативу в борьбе с изменением климата, показать пример, и именно в этом контексте я склонен рассматривать обещание администрации нового президента к 2020 году снизить объем выбросов парниковых газов в атмосферу до уровня 1990 года. Данная инициатива изменила позицию китайского руководства и вывела из тупика переговорный процесс по созданию эффективного режима борьбы с глобальным потеплением. Каковы будут реальные результаты встречи министров по делам экологии, которая должна состояться в декабре 2009 года в Копенгагене, покажет только время. Однако прогресс в этой области очевиден, и роль американского президента в нем очень велика.

В.Б. Многие инициативы Барака Обамы, особенно политика “реалистического вовлечения” в отношении Китая и России, вызывают крайне негативную реакцию в стане консерваторов. Правые обвиняют главу Белого дома в том, что он ведет США к краху, и результатом его политики станут утрата Америкой статуса “сверхдержавы” и падение “града на холме”. Наибольшее недовольство вызывает игнорирование новой администрацией принципов защиты прав человека и ее “показушный анти-американизм” — готовность президента возложить на Америку вину за мировые проблемы, начиная с экономического кризиса и глобального потепления и заканчивая войнами наркокартелей в Мексике и т.д. Каково Ваше отношение к подобного рода критике?

Проф. Уайтли. То, что критики администрации называют “показушным антиамериканизмом”, я воспринимаю совершенно иначе. Я вижу в этом свидетельство искренней убежденности Барака Обамы в том, что признание факта “отхода Америки от своих ценностей в действительности делает Америку сильнее”. Наша страна действительно далеко не всегда демонстрирует верность провозглашаемым ею ценностям. Классическим примером из эпохи “холодной войны” в этом отношении может служить поддержка диктатур в Латинской Америке в целях сохранения их антикоммунистической ориентации и свержение демократически избранных правительств в Гватемале и Чили. Я думаю, вряд ли найдется здравомыслящий человек, который станет утверждать, что в последние годы Америка соответствовала образу “града на холме”. Достаточно вспомнить Гуантанамо, пытки, войну в Ираке, проведенную под ложным предлогом, чтобы понять, как далеки оказались США от этого идеала в годы президентства Джорджа Буша-младшего.

В этом смысле “замалчивание” проблемы защиты прав человека в диалоге с Россией и Китаем не является свидетельством слабости Америки и прологом к утрате ею роли “сверхдержавы”. Скорее, речь идет о признании непродуктивности стремления изобличать дефекты политических систем в других странах в условиях, когда сами США допускают столь вопиющие нарушения прав человека. В то же время Обама руководствуется идеей о том, что Америка в своем лучшем состоянии олицетворяет универсальные ценности, а значит, работая над изменением ее имиджа в мире, он не разрушает, а наоборот, восстанавливает образ “града на холме”.

В.Б. Вы упомянули проблему применения пыток, запрет которых стал одной из первых акций, предпринятых Барак Обама после вступления в должность. Это конкретное начинание вписывается в более широкий контекст ликвидации наследия Джорджа Буша-младшего в сфере контртеррористической политики и встает в один ряд с такими шагами, как подписание указа о закрытии тюрьмы в Гуантанамо и отказ от использования термина “глобальная война с терроризмом”. Возвращаясь к разговору об Обаме как президенте-миротворце, хочу спросить, сочетается ли, с Вашей точки зрения, смягчение риторики с расширением масштабов военной операции в Афганистане?

Проф. Уайтли. Вопрос об увеличении воинского контингента в Афганистане крайне сложен, и свой ответ на него я бы хотел начать с проведения исторической аналогии с войной во Вьетнаме. Вот уже много лет, изучая эту тему со своими студентами, я задаю вопрос, прочему Соединенные Штаты не смогли избежать участия в той войне, которая закончилась гибелью трех миллионов человек и которую, кстати, 80% наших граждан считают ошибкой амери-

канского руководства? Если верить объяснению, предложенному Макнотоном, то приходится констатировать, что война во Вьетнаме была войной не “по необходимости”, а “по выбору”. После того как этот выбор был сделан администрацией Линдона Джонсона, в дело вступили совершенно другие факторы.

Война 2003 года в Ираке также была “войной по выбору”. Но война в Афганистане представляется мне “войной по необходимости”. Хотя она продолжается уже восемь лет, теперь вся ответственность лежит на новом президенте, поэтому неслучайно в американской прессе ее уже называют не иначе, как “война Обамы”.

Для успеха в военных действиях одновременно на территории двух “несостоявшихся” государств — Афганистана и Пакистана — потребуется почти столько же солдат, сколько было отправлено во Вьетнам — более полумиллиона. Но дело в том, что не только собственно военные неудачи стали причиной вьетнамской катастрофы. Не меньшее значение имел крах процесса государственного строительства во Вьетнаме, основная ставка в котором была сделана на коррумпированный южновьетнамский режим. Не вызывает сомнения и факт коррумпированности афганского правительства — это подтверждают результаты последних выборов. Около трети бюллетеней, поданных за президента Карзая, было подделано, и это свидетельствует о том, что попытки государственного строительства в Афганистане зашли в тупик. Оказалось, что исключить движение “Талибан” из этого процесса невозможно, пришла пора признать это. Ценности и взгляды на мир участников этого движения отличаются от американских, но это не значит, что мы должны отождествлять “Талибан” с “Аль-Каидой”. Движение “Талибан” довольно пестрое по своему составу: людей сюда приводит разная мотивация и далеко не все разделяют идеологию Усамы бин Ладена. Именно поэтому “Аль-Каида” теперь ищет убежища в других “несостоявшихся государствах” — Йемене, Сомали. Мы должны воспринимать это как свидетельство того, что она больше не пользуется широкой поддержкой со стороны афганского населения.

Америке грозит опасность увязнуть в войне на территории сразу двух государств, перед каждым из которых стоит задача долговременного государственного строительства. В душах и сердцах людей этих стран царит неопределенность, правящие режимы не вызывают у них доверия. На мой взгляд, аналогия очевидна: мы должны оглянуться назад и вспомнить ошибки во Вьетнаме.

В 1967 году запрос генерала Уэстморленда об отправке 200-тысячного контингента во Вьетнам в дополнение к уже расквартированным на его территории 500 000 солдатам стал сигналом к пересмотру подходов к вьетнамской проблеме. Это переполнило чашу терпения американской общественности. Антивоенные настроения в Америке к тому моменту были уже настолько сильны, что Хо Ши Мин был

недалек от истины, когда говорил: “Победа будет одержана нами на улицах Чикаго и Сан-Франциско”. В итоге в 1968 г. генерал Уэстморленд был отозван в Вашингтон для исполнения других обязанностей, а президент Джонсон объявил о своем отказе баллотироваться на второй срок. Однако, чтобы закончить войну во Вьетнаме, Америке понадобилось еще долгих семь лет и десятки тысяч жизней.

Поступление запроса от генерала Маккрисчала об отправке дополнительного воинского контингента численностью 40 000 человек также заставило Барака Обаму начать пересмотр афганской стратегии. При этом президент и его ближайшее окружение не могут не учитывать обстоятельство, значительно осложняющее ситуацию: другие страны НАТО не проявили никакого энтузиазма в отношении этого запроса.

Аналогия с войной во Вьетнаме на этом не заканчивается. Говоря о победе на улицах Чикаго и Сан-Франциско, Хо Ши Мин имел в виду, что решающую роль в войне сыграет американское общественное мнение. Если учесть, что общественное мнение в США явно не поддерживает продолжение наземной операции в Афганистане, то можно считать, что “Талибан” уже победил.

Прагматики в команде Барака Обамы, и в первую очередь лица, ответственные за вопросы национальной безопасности, должны сделать шаг назад и посмотреть на проблему в более глобальном контексте. Особое значение при этом приобретает выработка международного консенсуса по афганской проблеме. В этой связи я очень надеюсь, что на международной конференции по Афганистану, которая должна состояться в декабре 2009 года, будет выработан единый подход к проблеме борьбы с терроризмом, пустившим корни в этой стране. Остается только верить в то, что участники проявят большую дальновидность, чем лидеры государств, принимавших участие в Женевской конференции 1954 года, и что повторения вьетнамской трагедии не будет.

Дилемма, которую предстоит решать Бараку Обаме, сводится к вопросу, как одержать победу в борьбе с терроризмом, избегая при этом затяжного конфликта с большим числом жертв. Суд истории вынес суровый приговор министру обороны Роберту Макнамаре, в свое время ставшему главным инициатором ввода войск во Вьетнам, и всем приверженцам пресловутой “теории домино”¹, а также самому Линдону Джонсону, президентство которого, по иронии судьбы, и стало этим упавшим домино.

Решения, которые принимает Барак Обама и которые ему еще предстоит принять, в значительной степени будут определяться

¹ Американская доктрина “домино” предполагала, что, если Южный Вьетнам станет коммунистическим, под контроль коммунистов попадут и все соседние с ним государства Юго-Восточной Азии. — *Примеч. В.И. Бартенева.*

тем, что “его” война в Афганистане началась как “война по необходимости”, и в определенном смысле пути к отступлению ему отрезаны. “Потеря лица” сегодня не главное для Америки. Ставки в этой борьбе действительно высоки: терроризм и “Аль-Каида” — реальность, и противостояние этим угрозам остается насущной необходимостью.

В.Б. Спасибо за столь подробный ответ и историческую аналогию с Вьетнамом, которая в данном случае позволяет гораздо глубже понять характер проблемы, стоящей перед администрацией Барака Обамы в Афганистане. Смею предположить, что в проекте “Quest for Peace in the XXI Century” будет немало подобных аналогий с периодом “холодной войны”, не так ли? И если да, есть ли в таком случае шанс увидеть в новом проекте людей, которые уже становились гостями Вашей программы в 1980-е годы?

Проф. Уайтли. Конечно. Проведение параллелей с эпохой холодной войны не только интересно, но и необходимо. Возьмем, к примеру, 1980-е годы. Одна из проблем, которые Америка тогда сама себе создала, заключалась в том, что руководство страны слишком долго отказывалось воспринять изменения, происходившие в СССР, всерьез и воспользоваться открывавшимися возможностями выхода за рамки логики “холодной войны”. Много было упущено по причине убежденности в правильности доктрин, в итоге опровергнутых развитием событий. Именно поэтому новый проект я хотел бы начать с приглашения тех людей, которых я уже интервьюировал ранее, напомнить им, что они говорили тогда, и спросить, что они думают об этом сейчас.

Я убежден в том, что это будет чрезвычайно интересно. У меня уже был подобный опыт в 1980-е годы. Тогда я интервьюировал одного из наиболее известных и титулованных американских психологов Берреса Скиннера. Десятью годами ранее он опубликовал книгу “За гранью свободы и достоинства” (“Beyond Freedom and Dignity”), где высказал твердое убеждение в высоком назначении социальных наук и психологии, их способности внести весомый вклад в дело мира. Я начал беседу с того, что напомнил ему эту идею и спросил, сохранил ли он прежнюю убежденность. Ответ, который последовал, я предпочел бы не услышать. Скиннер признался, что теперь он настроен гораздо более пессимистично. Первой моей реакцией было желание выключить камеры и попросить его быть более оптимистичным. Теперь, четверть века спустя, я бы назвал его пессимизм реализмом.

Я бы спросил Роальда Сагдеева, кто сегодня лидирует в гонке вооружений. Андрею Кокшину я задал бы вопрос, является ли современный мировой порядок более стабильным, чем в годы “холодной войны”, и появились ли у человечества после ее окон-

чания новые средства и возможности для сохранения мира. Джону Холдрену я бы напомнил четыре определения, которыми он характеризовал гонку вооружений, и попросил бы оценить степень их актуальности в нынешних условиях.

Если бы у меня была возможность, я бы пригласил в свою программу и самого президента Барака Обаму. Я бы напомнил ему следующие слова президента Эйзенхауэра: “Однажды наступит момент, когда люди потребуют мира так настойчиво, что правительства будут вынуждены его обеспечить”, и спросил бы, как он оценивает роль гражданского общества в процессе “поиска мира” и как собирается использовать свою власть для того, чтобы заставить людей требовать от правительств больших усилий по предотвращению войны.

В.Б. Позвольте пожелать Вам успехов в деле возобновления проекта “Quest for Peace” и поблагодарить за готовность поделиться Вашими мыслями с читателями нашего журнала.

Беседу вел Владимир Бартенев